

Среда обитания

Автор:

Чингиз Абдуллаев

Среда обитания

Чингиз Акифович Абдуллаев

Дронго #80

Часть капитала крупного российского бизнесмена Льва Деменштейна, миллиардера, входящего в сотню богатейших людей страны, кто-то решил присвоить себе. Афера фактически беспроектная, ведь на руках у шантажистов убедительнейший компромат – целая кипа документов, порочащих честь и достоинство олигарха. Но у Деменштейна тоже имеется «козырь в рукаве» – знаменитый эксперт-аналитик Дронго, которого он пригласил для того, чтобы тот вычислил преступников. Подозрения специалиста падают сразу на четверых человек из окружения предпринимателя. Все начиналось чинно и мирно: вежливые письма с требованием шестизначных сумм, неявные угрозы. Но стоило Дронго «разворошить осиное гнездо», как послышались выстрелы и появились первые трупы...

Чингиз Абдуллаев

Среда обитания

Человек всегда приносит истину в жертву своему тщеславию, удобству и выгоде. Он живет не истиной, а фикцией... Все его высокие порывы – это попросту стремление придать видимость правды тем выдумкам, которыми он льстит своему самолюбию.

Сомерсет Моэм

Трое могут сохранить тайну, но только в том случае, если двое из них мертвы.

Бенджамен Франклин

Глава 1

Он прилетел в Москву вечером в среду. В аэропорту его встречали водитель и Эдгар Вейдеманис, его многолетний друг и напарник по сложным расследованиям. Увидев друга, Дронго впервые в жизни подумал, что они чем-то похожи друг на друга. Такие же неприкаянные и одинокие в этой Вселенной. В отличие от Эдгара, его хотя бы не объявляли врагом своего Отечества. После распада Советского Союза бывшему сотруднику Первого главного управления КГБ СССР Эдгару Вейдеманису пришлось перебраться в Москву. Заодно с ним переехали мать и дочь, супруга не захотела жить с Эдгаром и подала на развод. Дронго повезло больше. Официальный Баку не считал его преступником. Сказывалась разница в восприятии прошлого в обеих республиках. Если в Латвии клеймили недавнее прошлое, считая советский период оккупацией, то в Азербайджане гордились достижениями республики за последние семьдесят лет. Отношение к бывшим сотрудникам спецслужб тоже было различным. В Риге их считали палачами своего народа, в Баку гордились офицерами спецслужб, честно выполнявшими свой долг.

И тем не менее Дронго по-прежнему жил на три города, оставив свою семью в Италии, так как понимал, насколько сложно будет вести независимое расследование, имея за спиной супругу и детей.

Все это было далеко в прошлом. Вот уже много лет Эдгар Вейдеманис имел российский паспорт и российское гражданство, проживая на законных основаниях в Москве. Встретив своего напарника, он, по строго установленным правилам, ничего не сказал в зале для официальных гостей, где могли прослушивать все беседы приехавших. Лишь когда они вышли из зала, спускаясь по лестнице, он негромко произнес:

– Тебя ищут. Я поэтому тебя беспокоил. Они звонят непрерывно вот уже три дня.

- Кто это? - спросил Дронго.

- Очень известные люди, - пояснил Эдгар, - по их поручению звонит сам адвокат Тарханов.

- Это не его адвокатская фирма вела последнее дело о задолженности французам?

- Они. Александр Михайлович Тарханов - один из самых известных и высокооплачиваемых адвокатов Москвы. Их всего несколько человек: Резник, Падва, Борщевский, Астахов, Кучерена, был еще Кузнецов, но он остался в Соединенных Штатах, - пояснил Вейдеманис.

- Что он хочет?

- Встретиться, конечно. Я думаю, что он представляет интересы своего клиента.

- Узнал - кого?

Они вышли из здания, ожидая машину. Водитель уже отправился на стоянку, чтобы подъехать к выходу из аэропорта. Вейдеманис наклонил голову, чтобы их не услышали даже случайные прохожие:

- Конечно, узнал. Судя по всему, Тарханов будет представлять интересы Льва Давидовича Деменштейна. Известный предприниматель, бизнесмен, по оценкам «Форбса», входит в сотню самых богатых людей России. Интересно, что он родился в шестидесятом году.

- Что в этом интересного? - не понял Дронго.

- Его отец Давид Аркадьевич Деменштейн работал главным инженером крупного металлургического объединения в Челябинске. Они мечтали о мальчике. Первый мальчик погиб в пятидесятом. Родовая травма. Они тогда жили еще в Хабаровске. Потом переехали в Челябинск. Судя по всему, Давид Аркадьевич был толковым специалистом в области металлургии. Потом у них родились еще две девочки, и только четвертым ребенком стал мальчик, родившийся первого августа. Под знаком Льва. Вот они и решили назвать его Львом. Через некоторое

время в парткоме Давиду Аркадьевичу сделали официальное замечание. Нельзя называть ребенка Львом Давидовичем, пояснили ему. Ведь так звали Троцкого. Если бы первый мальчик, родившийся на десять лет раньше, выжил, то вполне вероятно, что его родителей просто расстреляли бы или сослали в Магадан. Но в шестидесятом была оттепель. И поэтому отцу посоветовали поменять имя на нейтральное – Борис, Владимир или Аркадий. Отец согласился на Бориса, но дома мальчика всегда звали Львом. Закончилось это тем, что в шестнадцать лет, получая паспорт, мальчик записал свое имя как Лев Давидович Деменштейн. Был уже семьдесят шестой год, и вся эта история с Троцким уже давно никого не интересовала. Вот так он и остался Львом Давидовичем.

– Это есть на его сайте? – усмехнулся Дронго. – Очень своеобразная история. Во всяком случае, много говорит о характере этого бизнесмена.

Машина подъехала, и они оба уселись в салон автомобиля.

– Есть, – кивнул Вейдеманис, – он, видимо, гордится своим поступком. Тарханов и раньше вел некоторые его дела. Деменштейн считается одним из самых богатых людей в России. Или считался, это как посмотреть. До начала кризиса его состояние оценивалось в четыре с половиной миллиарда долларов. Сейчас, говорят, не осталось и трети. Возможно, и того меньше. Судя по тем фактам, которые удалось узнать, почти весь его капитал сейчас в недвижимости. Акции его металлургических предприятий рухнули до самого низкого уровня. По разным оценкам, он потерял от трех до трех с половиной миллиардов долларов. Хотя не только он один. Они все потеряли.

– Ты уверен, что Тарханов будет представлять интересы Деменштейна?

– Почти на сто процентов. Тарханов откровенно сказал, что должен представлять интересы клиента, который поручил ему найти тебя и переговорить с тобой.

– Что ты ему сказал?

– Как всегда. Ты никогда не даешь согласие, пока не узнаешь, в чем суть просьбы, с которой к тебе обращаются. Предупредил, что никакие незаконные операции или ничтожные сделки не рассматриваются в принципе. Ничего противозаконного. Тарханов на все согласился.

– Когда назначена встреча?

– Завтра. В три часа дня в ресторане «Принцесса Турандот».

– Это на Тверском бульваре, рядом с «Пушкиным»?

– Да, именно там. Днем, как правило, бывает очень немного людей. Нейтральная территория. Причем столик будет выбирать сам Тарханов.

– И, конечно, поменяет его в последний момент, чтобы исключить возможность прослушивания, – улыбнулся Дронго. – Что еще ты узнал об этом миллиардере?

– Он женат вторым браком. От первого есть дочь и сын, оба учатся в Лондоне. Первая супруга живет там же. Вторая жена на шестнадцать лет моложе его. Работала шеф-редактором на телевидении. Красивая женщина. Сейчас ведет самостоятельные проекты. Говорят, что ее активно пробивают на должность заместителя генерального директора канала.

– Откуда знаешь, что она красивая? Тоже на сайте?

– Они с супругой отдыхали на Корсике в прошлом году. Зафрахтовали яхту. Там есть снимки.

– Не понимаю, – пожал плечами Дронго. – Все открывают свои сайты, размещают там сведения о своей личной жизни, дают свои семейные фотографии, полную информацию. Я еще представляю, когда это делают молодые девочки или парни, чтобы познакомиться и переписываться. Но взрослые, вполне состоявшиеся господа... Возможно, люди еще более одиноки, чем нам кажется. Каждый из них предпринимает какую-то тщетную попытку узнать нового человека, попытаться обрести единомышленника, найти друга. Или вообще познакомить людей со своей жизнью. Наверно, внутреннее одиночество гнетет каждого из нас, живущего в этой цивилизации.

– Это такой виртуальный способ общения, который охватил весь мир, – сказал Эдгар, глядя перед собой, – может, мы чересчур закрытые люди и у нас слишком много забот, чтобы понимать подобных людей. Или прежняя жизнь наложила на нас свой неизгладимый отпечаток, и мы никому не доверяем. Иногда даже

самим себе.

– Кто-то мне говорил, что я становлюсь пессимистом. Кажется, это ты советовал мне проще и веселее смотреть на жизнь, – напомнил Дронго. – Что-то случилось?

– Пока нет, слава богу. У дочери неприятности с ее парнем. Он оказался... в общем, он повел себя недостаточно умно. Она переживает. Я тоже...

– Кажется, у Лопе де Вега была фраза: «О боже, что за наказание – быть взрослой дочери отцом». Через этот период все проходят. Надеюсь, у меня он будет не столь мучительным.

– Твоя живет с матерью, – напомнил Эдгар, – а у моей – я и за мать, и за отца.

– Сложно, – согласился Дронго. – Что еще узнал о Льве Давидовиче?

– Имеет два высших образования. Инженер-металлург и экономист. Владеет тремя языками. Русский, немецкий, английский. Любит экзотические путешествия. По отзывам сотрудников и по тем материалам, которые удалось найти, – он человек достаточно требовательный, умелый, жесткий, даже жестокий, если понадобится, не сентиментальный.

– Интересный портрет типичного бизнесмена наших дней. Еще добавь туда качества, которые у него должны обязательно быть. Хваткий, деловой, способный пользоваться моментом, умеющий все просчитывать, не знающий пощады, умеющий рисковать. Без набора этих качеств стать крупным бизнесменом почти невозможно. Добренький или мягкий миллиардер таковым просто не станет, он разорится на стадии миллионера.

– Возможно, ты прав, – кивнул Эдгар, – и, судя по всему, именно ему мы и понадобились.

– За нами следят, – сообщил водитель, глядя в зеркало заднего обзора, – я уже дважды пытался оторваться, не получается. У них два автомобиля. Внедорожник «БМВ» и темная «Ауди».

– Как растёт благосостояние сотрудников спецслужб, – удовлетворенно заметил Дронго. – Неужели за нами послали сотрудников на таких дорогих машинах?

– Ты прав, – понял его с полуслова Вейдеманис, – это, конечно, не сотрудники спецслужб. Возможно, конкуренты Деменштейна или его враги.

– Мы еще не начали никакого дела, а они уже следят за нами, – не поверил Дронго, – нет, не может быть. Тогда Льву Давидовичу нужно будет основательно почистить свое окружение. Сделаем так. Через три квартала будет небольшой переулочек. Сворачиваем туда. Направо. И потом снова направо. У нас будет несколько секунд, даже если мы не оторвемся, пока они разберутся. Мы с тобой, Эдгар, быстро падаем из салона и остаемся в подъезде. Там он проходной. А наша машина уедет. Посмотрим, кто поедет за ним. Нужно все проверить и не вести их ко мне домой.

– Вспомним молодость, – улыбнулся Вейдеманис, – ладно, попытаемся. Так будет даже интереснее.

– А ты поезди по городу, – посоветовал Дронго водителю, – часика два или три пусть они за тобой гоняются. Потом можешь остановить машину. Только к ним не выходи. Могут разозлиться и проявить ненужную агрессию. Например, дать в морду. Мне будет обидно, если ты не привезешь моего чемодана и появишься завтра на работе с подбитым глазом.

– Понимаю, – рассмеялся водитель.

Они так и сделали. Через три квартала машина резко свернула вправо, затем еще один поворот. Вейдеманис выскочил из машины, огибая ее сзади. Вместе с Дронго он вбежал в подъезд, успев закрыть двери. Здесь не было кодового замка. Машина поехала дальше. Буквально через несколько секунд появился внедорожник «БМВ», в котором находилось двое неизвестных. Сразу за этим автомобилем проследовала «Ауди», тоже с двумя незнакомцами. Обе машины с ревом пронеслись мимо.

– Представляю их выражение, когда они узнают, что гонялись за пустой машиной, – улыбнулся Дронго. – Пойдем пешком, Эдгар, здесь недалеко. Как раз спокойно и поговорим. Ведь нет гарантий, что в салоне моего автомобиля не установили подслушивающее устройство. В наше время все возможно.

Через тридцать минут они были уже дома. Водитель приехал через два с половиной часа, когда, поняв наконец, что их водят за нос, одна из машин не обогнала их автомобиль и сидевшие в ней люди громко не выругались, показывая на пустой салон. Затем обе машины преследования отстали и исчезли. Водитель рассказывал об этом приключении с удовольствием, заливаясь смехом. Он был относительно молодым человеком, ему было только тридцать пять. И все казалось в жизни таким смешным и не очень опасным.

- Ты напрасно так смеешься, - строго произнес Дронго, - значит, они не получили конкретного приказа. Это было достаточно опасно, поэтому я тебя предупредил, чтобы ты не подпускал их к себе близко. Они могли пойти даже на таран. Судя по всему, эти машины им не принадлежат. И они вполне могли разбить их о наш автомобиль. Никогда не забывай об этом. Меня беспокоит в данном случае не машина, она застрахована, а твоя жизнь. Надеюсь, что ты меня понял.

Он успел закрыть дверь за водителем, снова оставшись с Эдгаром, когда раздался телефонный звонок его городского аппарата. И сразу включился громкий автоответчик, сообщивший, что хозяина нет дома.

- Я знаю, что вы дома, - раздался незнакомый голос. - Может, возьмете трубку, чтобы мы могли поговорить?

Глава 2

Он не стал заставлять себя долго упрашивать и включил громкоговоритель, чтобы их разговор мог слышать Эдгар.

- Я вас слушаю.

- Мне сказали, что я могу называть вас господином Дронго?

- Меня обычно так называют.

- Прекрасно. Значит, так я и буду обращаться. Дело в том, что сегодня за вами следили мои люди. Они вели вас от самого аэропорта. Не подумайте ничего плохого, это было сделано для некоторой профилактики, если хотите.

- Простите, вы не представились.

- Я думал, что вы уже поняли, кто именно вам звонит. Меня зовут Лев Давидович Деменштейн. Мне сообщили, что вы согласились на встречу с моим адвокатом, и я полагал, что вы навели справки, прежде чем согласиться на это деловое свидание.

- Отчасти, - сдержанно произнес Дронго.

- Тогда моя задача облегчается. Адвокат должен был сообщить вам в общих чертах мои предложения. Но я решил, что необходимо заранее позаботиться о том, чтобы вас не перехватили, и организовал необходимое наблюдение. Вы очень корректно от них оторвались. Это было замечательно. Они так и не поняли, где именно вам удалось выпрыгнуть из машины. И, поверьте мне, там были не дилетанты.

- Мы обратили внимание, как они «вели нас», сменяя друг друга, - ответил Дронго, - и на всякий случай решили оторваться. Согласитесь, что это неприятно, когда вы возвращаетесь в Москву и вас сразу преследуют незнакомцы.

- Согласен. Вы, очевидно, включили телефон на громкоговоритель, и я слышу эхо от собственных предложений. Если даже вы записываете наш разговор, то напрасно это делаете. У меня к вам личное, конфиденциальное и, надеюсь, выгодное предложение, которое должно вас заинтересовать.

- Сказать его по телефону нельзя?

- Нет. Конечно, нельзя, иначе я бы уже сидел у вас дома. Давайте сделаем так. Завтра в три часа вы подъедете к условному месту, а там вас будет ждать не только мой адвокат, но и я сам. Вы увидите мой автомобиль и можете без опасений в него садиться. Безопасность я гарантирую, даже если мы не договоримся.

– Понятно. Но давайте сразу условимся, что играем честно. Никто за мной больше не ездит, и никто из ваших людей случайно не следит за моим домом. Договорились?

– Я делал это в интересах вашей собственной безопасности, если хотите.

– О своей безопасности я позабочусь сам. Значит, завтра в три на прежнем месте. До свидания.

Он выключил телефон и взглянул на Эдгара.

– Очень богатый человек, – негромко произнес Вейдеманис, – может позволить себе подобные причуды. Они сейчас все немного не в себе. Я забыл сказать тебе главное. У него еще долгов столько, что он вполне может окончательно разориться.

– Надеюсь, он не попросит нас красть документы у своих конкурентов или устраивать диверсию в банках-кредиторах, – пошутил Дронго.

– Он может попросить все, что угодно, – мрачно заметил Эдгар. – Все дело в черте, за которую ты не сможешь перейти. Я ведь тебя знаю. Даже если он предложит тебе миллион. Ты просто не тот человек, которого можно купить. Тебя нужно убедить, что ты сражаешься за правое дело, и тогда тебя трудно остановить. Но купить – невозможно. И он напрасно устраивает эти глупые трюки с наблюдателями, они тебя все равно не убедят.

– Завтра в три часа дня, – задумчиво произнес Дронго, – и посмотри все, что еще сможешь узнать. На сайте обычно выставляют самую выгодную для себя информацию. Но мне хотелось бы получить и другие сведения о нашем возможном завтрашнем собеседнике. Желательно негативного плана. Хотя некоторая информация о нем уже появилась, раз он использует подобных наблюдателей.

– Попытаемся что-нибудь найти, – кивнул Вейдеманис, – хотя ты понимаешь, что у таких обеспеченных людей всегда своя служба безопасности, состоящая из очень неплохих профессионалов.

На следующий день ровно в три часа к зданию ресторана подрулил черный «Роллс-Ройс». Вместе с ним на двух внедорожниках «БМВ» приехали сразу шестеро телохранителей. Дронго усмехнулся. Слишком много ненужной мишуры. Он увидел, как из автомобиля вышел человек лет пятидесяти. Полноватый, с развевающимися волосами, которые он явно подкрашивал, среднего роста. У мужчины, страдавшего одышкой, немного большие, выпученные глаза. Он вошел в ресторан, оглядываясь по сторонам. Дронго следил за происходящим из парка, ему было интересно, что станет дальше. Незнакомец был, очевидно, адвокатом Тархановым. Он вошел в ресторан без пяти минут три. Сразу следом за ним появились еще двое, очевидно, сотрудники службы безопасности Деменштейна.

Машины отъехали, чтобы не привлекать к себе внимания. В пять минут четвертого Дронго вошел в ресторан и поднялся на второй этаж, где в одном из кабинетов его ждал Тарханов. Адвокат был одет в серую тройку. Красно-серый галстук завязан американским косым узлом. Увидев Дронго, он радостно вскинул руки, словно приветствовал самого близкого знакомого.

– Добрый день, – весело сказал он, – как хорошо, что вы пришли.

– Мы будем говорить здесь? – уточнил Дронго.

– Нет, нет, конечно нет. Вы будете говорить с Львом Давидовичем в его машине. Она оборудована специальной аппаратурой, не позволяющей прослушивать разговоры в салоне автомобиля. Бронированный «Роллс-Ройс» был сделан на заказ в Великобритании еще в докризисные времена. Увы, сейчас такие «игрушки» уже многим не по карману. Садитесь. Они сделают круг и подъедут через двадцать минут. Если хотите, мы можем заказать легкую закуску.

– Не хочу, – ответил Дронго.

– Что-нибудь выпить? Я знаю, алкоголь вы почти не употребляете.

– Это всего лишь слухи. Хороший коньяк, хорошее вино, даже текила, я не отказываюсь. Просто сейчас не буду пить, ведь у меня должен состояться важный разговор.

– Да, конечно, я все понимаю. Тогда сок или минеральную воду.

– Без газа, – кивнул Дронго. – Насколько я понял, вы официально представляете интересы своего клиента в различного рода судебных разбирательствах.

– И не только там. Во всех гражданских спорах тоже. В последнее время возросли арбитражные дела. Кризис неплатежеспособности клиентов перекинулся на банки. А те, в свою очередь, не выдают вовремя денег на зарплату, на оплату оборудования, на предоплату сырья. Один общий мировой кризис. Никто не мог подобного предположить даже год назад. Тогда казалось, что нас ждет стабильность на десять или двадцать лет вперед. И вот такое новое потрясение. Люди только начали жить, только начали поднимать головы. И опять – бац, и все полетело прахом, – с огорчением произнес Тарханов.

– Насколько я знаю, самый сильный «бац» получили как раз очень обеспеченные люди, когда рухнул рынок акций, курс рубля и цены на энергоносители.

– Верно. Но от них зависела судьба десятков и сотен тысяч людей, если не миллионов. Разорение любого олигарха сказывается сразу на нескольких крупных предприятиях, иногда оборачивается увольнением сотен тысяч работающих. А это всегда живые люди со своими проблемами и семьями.

– Вы так говорите, словно собираетесь защищать этих людей, а не представляете интересы олигархов.

– Просто говорю вам факты. У меня зять лишился работы в результате падения акций на нефтяной бирже. Был вполне обеспеченный человек, даже очень обеспеченный. Московская квартира в новостройке, два автомобиля, личный водитель, строящаяся дача, дети в элитной школе. Все рухнуло, когда стоимость нефти полетела вниз. Со ста пятидесяти до сорока. Недостроенную дачу продали, от водителя отказались, дети пока учатся в школе за мой счет. Поэтому я знаю, как чувствуют себя люди, попавшие под эту «молотилку».

Официант принес две бутылки минеральной воды без газа. Разлил воду в высокие бокалы. Затем подал несколько легких салатов для закуски.

– Угощайтесь, – предложил адвокат, – здесь хороший ресторан. Вы уедете, а я еще немного посижу. У меня в четыре здесь встреча с другим человеком.

- Вы знаете, о чем со мной хочет переговорить Лев Давидович?

- Примерно догадываюсь, - ухмыльнулся адвокат. Он взял вилку и нож, положив себе на тарелку сразу несколько разновидностей салатов, стал с аппетитом есть.

- Не подскажете тему встречи?

- Пусть лучше он скажет вам об этом сам, - предложил Тарханов, набивая рот, - я думаю, что так будет правильно. Могу лишь рекомендовать согласиться на его предложения. Насколько я знаю, человек он достаточно щедрый и никогда не останавливается, если решил чего-то достигнуть. Во всяком случае, его трудно бывает переубедить. Вы знаете, он по гороскопу Лев, а это знак царей и фараонов, полководцев и героев. Знак Огня. Я, например, по гороскопу Рак, и меня это очень устраивает. Сексуальность, подвижность, толерантность, умение приспособливаться. А огненные знаки, они ведь безумцы. И все Стрельцы такие. Я уже не говорю про Овнов. Они просто чокнутые. У меня друг Овен, так про него пишут, что он прошибает головой стенку. А кто вы по гороскопу?

- Как раз Овен, - улыбнулся Дронго.

- Извините, я даже не мог подумать. Мне казалось, что такой аналитик, как вы, должен быть либо Скорпионом, либо Девой, либо Козерогом. Таким размышляющим и все понимающим. Ну, на крайний случай Водолеем. Вы знаете, я начал увлекаться гороскопами, это так забавно. Но не думал, что вы Овен. Как странно, ведь это первый знак Зодиака. Знак необузданной силы, первобытных чувств и эмоций. Для вашей профессии очень странно. Хотя вы легче поймете друг друга с Львом Давидовичем. Кстати, уже прошло двадцать минут. Вы можете выйти из ресторана. Машины сейчас подъедут. А молодой человек, который сейчас появится рядом с нашим столиком, проводит вас к автомобилю Льва Давидовича.

- До свидания, - поднялся Дронго.

- Всего хорошего, - пожал ему руку на прощание адвокат, - надеюсь, что вы воспользуетесь моим советом и не откажетесь от делового предложения Деменштейна. До свидания.

В сопровождении молодого человека, которому было уже под тридцать, Дронго вышел на улицу как раз в тот момент, когда «Роллс-Ройс» затормозил перед зданием ресторана. Дверца салона открылась, и Дронго быстро уселся в машину, которая сразу тронулась с места.

– Добрый день, – сказал сидевший в салоне Лев Давидович, – очень рад вас видеть.

Он протянул руку. Узкая аристократическая ладонь. Дронго пожал холодные пальцы. Сидевшему мужчине было под пятьдесят. Немного вытянутое лицо, заметные залысины, умные, внимательные, требовательные глаза, спрятанные за стеклами очков. Прямой ровный нос, тонкие губы. Несколько выделялись уши. Они были непропорционально большими, словно специально растянутыми. Деменштейн был одет в костюм из тонкого сукна, который явно делали на заказ и шили в Лондоне. На ногах – обувь, также сделанная по индивидуальному заказу. Достаточно было на него взглянуть, чтобы понять – перед вами очень богатый человек.

– Вот вы какой, – негромко произнес Деменштейн, – самый знаменитый сыщик нашего времени. Говорят, что вы можете раскрыть любое преступление, найти любого отморозка.

– Это некоторое преувеличение, но при желании всегда можно вычислить преступника. Нужно лишь более добросовестно собирать улики и обращать внимание на любые, самые незначительные детали.

– И тогда каждый может стать Шерлоком Холмсом или Эркюлем Пуаро? – усмехнулся Лев Давидович.

– Думаю, что не каждый. Наверно, нужна особая наблюдательность, выдержка, терпение, умение анализировать факты.

– Вот видите, – кивнул Деменштейн, – так и в жизни. Чтобы стать очень богатым человеком, нужно много работать. Ничего в этой жизни не падает с неба. Необходимо обладать многими талантами, чтобы сделать деньги. Большие деньги. Нужно обладать еще большими талантами, чтобы потом их удержать. Это всегда нелегко.

– Насколько я понял, вы пригласили меня не для беседы о том, как сложно в наше время удержать свои деньги, – улыбнулся Дронго.

– Если подумать, то именно для этого я вас и пригласил, – неожиданно произнес Лев Давидович.

– Интересно. Не думал, что могу выступить в роли католического священника.

– Нет, – усмехнулся Деменштейн, – в любом случае вы не сможете отпустить мои грехи. Мусульманин, отпускающий грехи еврею, это, наверно, выглядело бы забавно. Хотя я полагаю, что мы оба с вами убежденные атеисты. Нельзя быть человеком вашей профессии и верить в Бога. Я уже не говорю о моей.

– Я скорее агностик, – заметил Дронго.

– Не волнуйтесь, – продолжал Лев Давидович, – я не собираюсь вам исповедоваться. Вы нужны мне совсем по другому поводу.

Он немного помолчал.

– Дело настолько личное, что я должен знать, согласитесь вы за него взяться или нам лучше об этом вообще не говорить.

– Мне трудно судить о том, чего я не знаю. Поэтому не могу дать никаких гарантий.

– Это меня и останавливает...

– Единственное, что я твердо могу вам обещать, – все сказанное останется между нами. Никто и никогда не узнает содержание этого разговора, если я решу отказаться и не братья за ваше дело. Мое честное слово может служить гарантией неразглашения нашей беседы.

– Мне этого вполне достаточно, – кивнул Лев Давидович. – Дело в том, что меня пытались шантажировать примерно три месяца назад. За последние десять или пятнадцать лет я привык, что мое богатство вызывает раздражение у большинства людей, привык к тому, что меня в большинстве своем они не только

не любят, но и откровенно ненавидят. Очевидно, это крест всех богатых людей в России. Октябрь семнадцатого не был случайностью, это теперь очевидно для всех. И, конечно, не был результатом работы группы заговорщиков-большевиков, которые случайно пришли к власти, как теперь пишут об этом периоде наши горе-историки. Все не так. Коллективистский дух все еще сидит в большинстве людей, а неприятие богатых происходит на каком-то генетическом уровне. В любой деревне самого богатого человека всегда ненавидят, стараются сжечь его дом или перебить его скотину. И это при том, что он дает работу всем остальным...

Дронго молча слушал. Между ними и сидевшими на переднем сиденье водителем и помощником была глухая стена из пуленепробиваемого стекла. Их разговор могли слышать только они двое.

– Сначала мне показалось, что это обычная грубая форма вымогательства денег, – продолжал Лев Давидович, – но затем мне представили доказательства, и я понял, что все не так просто. Оказалось, что человек, который пытался меня шантажировать, был не обычным человеком с улицы...

Машина мягко повернула направо, как и оба автомобиля охраны, которые ехали впереди и позади них. Деменштейн неожиданно спросил:

– Простите, что я сразу не предложил вам выпить. Что-нибудь хотите? – Он поднял крышку бара, показывая бутылки.

– Я не сомневаюсь, что в салоне вашего автомобиля есть даже телевизор или могла появиться сауна, – заметил Дронго, – но будет лучше, если вы продолжите свой рассказ.

– Да, конечно. В общем, человек, который стоял за всем этим, – бывший следователь по особо важным делам Неверов. Ушел в отставку несколько лет назад. Был государственным советником третьего класса, то есть генералом прокуратуры. Как видно, зря времени не терял. Специализировался на экономических преступлениях. Был связан с некоторыми депутатами Государственной думы, через которых и организовывал депутатские запросы на определенных лиц, после чего машина прокуратуры начинала раскручиваться...

Он поправил очки.

– Если помните, то примерно так раскрутили дело Ходорковского. Сначала был организован депутатский запрос, затем началась проверка прокуратуры. Все это закончилось его осуждением и развалом компании. Одной из самых лучших в мире компаний, – добавил Деменштейн.

– Хотите сказать, что с вами пытались поступить по этой схеме?

– Не совсем. Когда с тобой пытается выяснить отношение государство, то здесь все понятно. Ходорковский был не просто очень богатым человеком. Он активно вмешивался в политику, охотно помогал оппозиции, газетам, журналам. В какой-то момент, очевидно, увлекся. А наша власть подобного не прощает. Все понимают, что никаких особых экономических преступлений он не совершал. Вернее, не так, он не совершал тех преступлений, которые нельзя было бы приписать целой группе «товарищей». Их имена есть в любом списке «Форбса». Начните с первого и до конца...

– Ваше имя там тоже есть?..

– Верно. Поэтому я и говорю. Найти «ангела» среди первой сотни практически невозможно. Ведь все понимают, что приватизация в начале девяностых была несправедливой, отчасти глупой и очень непродуманной. Но она была проведена, и все, кто успел, получили свою «долю пирога». Любой из нас нарушал законы, иначе просто не могло быть, часто законы не поспевали за ритмом жизни. Поэтому Ходорковский был всего лишь назидательным примером для остальных. Зарабатывайте свои деньги и не вмешивайтесь в политику. В общем, нужно играть по правилам, которые устанавливает государство. В противном случае вас просто раздавят, применив против вас всю машину государственной власти. Это понятные правила, и все сразу осознали, как не нужно поступать...

– Вы тоже?

– Одним из первых, – улыбнулся Лев Давидович, – зачем дергать «льва за усы», если можно пройти рядом. Все налоги мы, безусловно, платим, все договоренности с правительством выполняем. Любые выплаты на социальные нужды мы готовы платить, невзирая на кризис. В общем, мы люди понимающие. И если бы против меня начало свои действия государство, то у меня было бы по крайней мере три выхода. Первый – сразу сдаться, лечь под них, расслабиться и

делать вид, что даже получаешь удовольствие. Второй – просто сбежать, как уже сделали Борис Березовский и Владимир Гусинский. И третий выход – попытаться «качать свои права». Но этот вариант самый бесперспективный, у тебя все равно все отнимут и еще посадят тебя «на дорожку», как в том известном анекдоте.

– Я слышал этот анекдот, – кивнул Дронго.

– Поэтому я сразу начал наводить справки. Петр Алексеевич Неверов, оказывается, занимался экономическими преступлениями, связанными с таможней и налоговыми органами, еще в середине девяностых. Очевидно, накопил большой материал. Некоторые справки потом легли в основу обвинений, которые были предъявлены моим сотрудникам. Но тогда было решено нас не трогать. В девяносто шестом мы все охотно давали деньги под Ельцина. Все понимали, чем нам грозит возвращение коммунистов. В девяносто восьмом все пытались спастись от дефолта. А через полтора года мы все охотно поддерживали нового кандидата в Президенты в его борьбе с Примаковым. Все тогда тоже понимали, что возможный приход команды Примакова грозит нам не меньшими неприятностями. Правда, история над нами зло посмеялась. Оказалось, что избранный Президент всего лишь терпел наследие Ельцина, да и то не очень долго. Первый срок он еще пытался маскироваться. Во время второго срока – уже убрал Касьянова и Волошина и начал борьбу с олигархами. Успешную борьбу, нужно отметить. Всех посадили на свое место. Недовольные сбежали или попали в тюрьму. Все остальные сделали вид, что очень довольны. А Неверов, как толковый специалист, в это время собирал бумажки, в том числе и на меня. Когда дело Ходорковского приняло такой оборот, он как раз оформлял себе пенсию. Умный человек, просчитал все правильно. Выйдя на пенсию, он имел досье на меня и мою компанию. Теперь можно было работать на себя, а не на государство. Что он и сделал. Нашел посредника и решил меня шантажировать...

Деменштейн вытащил бутылку воды и налил себе в бокал. Залпом выпил.

– Когда мне позвонили в первый раз, я просто не стал разговаривать. Решил, что это глупая попытка меня достать. Потом пытались дозвониться еще раз. А затем прислали документы. На первый конверт я не среагировал. Пришел второй. Потом третий. Игнорировать их я уже не мог. Скажу прямо, там были факты, о которых никто не знал. Или почти никто не знал. И обнародование их сделало бы меня не просто провинившимся «мальчиком для битья». Они неопровержимо

свидетельствуют, что я занимался незаконной приватизацией, неправильно оформлял акции, захватил два металлургических комбината и уклонялся от выплаты налогов. Просто идеальный кандидат для публичной порки. Как раз сейчас, когда экономический кризис вступил в свою решающую стадию. Говорят, что мы уже почти на дне. Значит, найти такого мерзавца, который обманывал людей и наживал миллиарды, будет просто подарком для нашей власти. Ведь все равно нужно показать пальцем на кого-то из виноватых, а когда появится такой материал, то меня никто не станет защищать. Ни один из моих друзей, разве что Тарханов, да и тот за большие деньги.

Он невесело усмехнулся.

- За попыткой шантажа стоял Неверов? - уточнил Дронго.

- Да. Именно он. Решил сделать себе состояние после того, как вышел на пенсию. Держал материалы на меня и мою компанию в качестве своеобразной страховки. Ведь понимал, что они ему могут понадобиться.

- Рассказывайте дальше, - предложил Дронго.

- Затем все было достаточно банально. Получив третий конверт, я понял, что нужно реагировать. Согласился на встречу. Приехал какой-то молодой человек неопределенной наружности. Сказал, что хотят пять миллионов долларов. Можете себе представить? Пять миллионов долларов наличными. Я сказал - могу выплатить такую сумму по частям, но должен получить гарантии, что мне передадут все оригиналы документов. На это они согласились. Так мы и расстались.

- Не верю, - сказал Дронго, - судя по тому, как вчера меня преследовали ваши сотрудники, на вас работают серьезные люди. И вы не сделали попытки выяснить, кто это был?

- Правильно не верите. Конечно, сделал. У меня очень солидная служба безопасности. Иначе нельзя. В девяностые даже попасть на наши комбинаты было сложно - сразу начинали стрелять. Шла борьба за передел собственности. Мои люди вычислили этого молодого парня. Оказалось, что он племянник Неверова, сын его двоюродной сестры. Ефим Востряков. Через него мои сотрудники вышли на Неверова. Уже через два дня я знал, кто за этим стоит. И

тогда я сделал не совсем верный шаг. Разрешил моей службе безопасности устроить обыски в квартирах Неверова, Вострякова, у его матери и даже у дочери Неверова. Все квартиры были проверены в один день. Специальная группа выехала даже на дачу Неверовых. Там все перерыли и перекопали. Искали даже с помощью самой совершенной техники, указывающей на наличие в стенах домов любого тайника, на спрятанные под землей ценности или документы. Но ничего не нашли. Абсолютно никаких материалов. А вечером позвонил Востряков и сказал, что сумма выросла до десяти миллионов из-за моих неправильных действий. Я согласился. Когда передавали первый миллион, Вострякова, конечно, задержали. Потом долго пытались выяснить, где именно скрывается Неверов.

Парень упрямо твердил, что ничего не знает и Петр Алексеевич должен сам ему перезвонить. Не буду скрывать, мы вели себя очень жестко по отношению к этому Вострякову. Дело ведь даже не в деньгах. На кону была моя репутация и даже моя свобода. Но Неверов исчез. Просто растворился. Возможно, он испугался, но мои сотрудники не верят в такую возможность. И я не очень верю в трусливость бывшего следователя по особо важным делам. Мы долго держали засаду, но ни домой, ни к своей дочери он не приходил. Просто исчез. Где мы только его не искали! Насколько мне известно, его дочь и семья тоже волнуются по поводу исчезновения Неверова. Но его нигде нет. И вот уже почти полтора месяца он не дает о себе знать, не пытается выйти на связь или каким-то образом проявить себя. Его два телефона выключены, этого человека нигде нет. Такое ощущение, что он просто исчез. Растворился.

Лев Давидович замолчал. Теперь он смотрел на Дронго, терпеливо ожидая его реакции.

– Сколько лет он проработал в органах прокуратуры? – неожиданно спросил Дронго.

– Больше тридцати. Начинал еще курьером в суде, потом получил высшее образование, работал следователем, прокурором, даже был заместителем прокурора Брянской области. В последние восемь лет работал следователем по особо важным делам. Как видите, я знаю его биографию почти наизусть.

– Супруги у него нет?

– Вдовец. Дочь разведена. У нее двое сыновей-подростков, обоим по тринадцать лет. Близнецы. Мы проверяли все их телефоны. И дочери, и мальчиков. Но Неверов им не звонил и не появлялся. Судя по их реакции, они очень переживают, особенно дочь.

– Что стало с Востряковым?

– Он недавно выписался из больницы, – сказал, чуть помолчав, Лев Давидович, – как видите, я ничего не скрываю. С парнем обошлись сурово, но он этого заслужил. Я оплатил его лечение в больнице и даже выплатил ему некоторую «страховку». Пятьдесят тысяч долларов, хотя это и не в моих правилах. Кажется, Востряков остался более чем доволен. Разумеется, за ним тоже следят и все его телефоны проверяют. Насколько мне известно, он тоже пытается найти своего двоюродного дядю. И хотя пятьдесят тысяч я дал при условии, что он сразу сообщит мне, когда Неверов выйдет с ним на связь, но пока – только молчание.

– У него были близкие друзья, товарищи, коллеги? Я имею в виду Неверова?

– Мы все проверили. Дело в том, что службу безопасности в нашей компании возглавляет Матвей Суровцев. Может, вы о нем слышали. Полковник Суровцев из управления внутренних дел Воронежской области. Был уволен шесть лет назад, когда его сотрудники забили насмерть маньяка. Все газеты об этом написали. Сотрудникам дали условное наказание, полковника оправдали, но затем уволили из органов. И я взял его к себе начальником службы безопасности.

– Судя по тому, как Востряков попал в больницу, Суровцев применяет подобные методы и на новой работе.

– Нельзя в белых перчатках вести подобные дела. Насколько я знаю, вы один из лучших экспертов по проблемам преступности, если не самый лучший. Вы должны быть осведомлены лучше меня, что во время подобного противостояния могут быть нарушения и с той, и с другой стороны.

– У вас достаточно гибкие представления о законе, – строго заметил Дронго, – вам так не кажется?

– Возможно, – согласился Деменштейн, – но я пригласил вас на встречу не для того, чтобы обсуждать мои моральные принципы. Я наводил справки, и мне

рекомендовали обратиться именно к вам как к лучшему эксперту в этой области. Мне нужна ваша помощь.

– Чтобы найти Неверова, – понял Дронго, – а потом вы примените к нему методы, при помощи которых вы отправили Вострякова в больницу? Вам не сказали, что я эксперт по розыску преступников, а не специалист, с помощью которого совершаются преступления?

– Понятно. Значит, нам необходимо обсудить моральные стороны нашего соглашения. Давайте приступим, – живо произнес Лев Давидович. – Начнем с главного. Меня пытаются шантажировать, и я всего лишь защищаюсь. Ни Неверова, ни Вострякова я никогда не знал и не хотел знать. Затем дальше. Они требуют у меня денег, что само по себе аморально и противоречит любому закону. Наконец, Неверов исчезает, и я прошу найти человека, хотя бы для того, чтобы вернуть его дочери и внукам. Что в этом плохого?

– Насколько я сумел понять, вы меньше всего думаете о душевном состоянии его дочери. Просчитав все варианты, вы, как умный человек, понимаете, что Неверов не мог исчезнуть просто так. Его либо убрали, и тогда тот, кто сделал это, может повторить попытку шантажа уже на другом, более серьезном уровне. Либо он сам спрятался, чтобы попытаться снова достать вас, но уже помня о своей прежней неудаче. В любом случае вы обречены на повторную попытку шантажистов и не хотите ждать, пока она произойдет. Вы решили найти Неверова или тех, кто мог его убрать, хотя бы для того, чтобы выйти на документы? Я прав?

– Да, – кивнул Лев Давидович, – вы правы. Я не хочу и не могу допустить, чтобы эти документы были опубликованы. Вы не назвали еще третьего варианта событий, самого худшего. Если Неверов решил спрятаться и потом меня шантажировать, это не так страшно. Я либо с ним договорюсь, либо найду его. Если Неверова убрали, чтобы шантажировать меня по второму кругу, то последствия будут похожими. Я либо договорюсь, либо найду тех, кто это пытается делать. Но есть еще и третий вариант, господин Дронго. И он беспокоит меня больше всех остальных.

Дронго понимающе усмехнулся. Он, конечно, понял, о каком «третьем варианте» говорит собеседник. Этот вариант как раз был самым неприемлемым и самым неудобным для Льва Давидовича.

– Мои конкуренты, или просто соперники, – сказал Деменштейн, – это самый опасный случай. Ни пять, ни десять, ни сто миллионов их не остановят. Задача людей, о которых я думаю, будет не просто убрать меня как конкурента, а раздавить, уничтожить, развалить мою компанию, отправить меня в тюрьму, желательно лет на двадцать.

– И если они узнали о документах Неверова, то вы просто обречены, – безжалостно произнес Дронго.

– Вам как будто нравится это говорить, – посмотрел на него Лев Давидович, – но не скрою, этот вариант беспокоит меня более всех остальных. Как у всякого человека, уже достаточно давно занимающегося бизнесом, у меня есть враги. Но дело не в них. Ведь Неверов не стал бы прятаться столько времени. Он бы обязательно подал о себе весточку, какой-нибудь сигнал. Возможно, он выжидает, но почти полтора месяца – это более чем достаточный срок, чтобы прийти в себя и попытаться получить свои деньги. Или хотя бы успокоить свою дочь, которую он, безусловно, любил.

– «Любил», – повторил за ним Дронго, – вы сказали о нем в прошедшем времени. Значит, вы не верите, что он еще жив.

– Не знаю почему. Но у меня предчувствие. Которое меня никогда не обманывало. Боюсь, что Неверов уже разговаривает с ангелами и мы больше никогда о нем не услышим. Теперь остается самое важное – найти либо его документы, либо тех, кто эти документы украл. То есть убрали Неверова и украли документы. И с моральной, и с криминальной, и с любой точки зрения это противоправные деяния, за которые убийцы или похитители должны понести ответственность. Если вас волнует моральная сторона дела, то вы можете успокаивать себя именно этим обстоятельством. Теперь о практической стороне дела. Если вы достаточно быстро сумеете вычислить место нахождения Неверова или его документов, я плачу вам один миллион долларов. Это единица с шестью нулями. Вы меня слышите?

– Странно. Я почему-то думал, что миллион – это единица без нулей, – пошутил Дронго. – Мне кажется, что вы забыли об одном обстоятельстве, которое имеет исключительное значение в этом деле.

– О каком? – спросил Деменштейн.

– Когда Неверов с помощью своего племянника пытался вас шантажировать, то вы наверняка не говорили об этом ни своим конкурентам, ни своим соперникам, ни тем более своим врагам. И за Востряковым следили сотрудники вашей службы безопасности, которые затем проводили обыск в разных домах, где Неверов мог спрятать документы. Верно?

– Да, все правильно. Не могу понять, к чему вы клоните?

– О Неверове и его попытке шантажа не могли знать посторонние люди, – убежденно произнес Дронго, – ведь Неверов был не случайным мерзавцем, решившим вас шантажировать. Он много лет проработал в органах прокуратуры и хорошо знал, на какой шаг решился пойти. А раз так, то он наверняка ни с кем не советовался и никому не показывал документы, компрометирующие вас.

– Разумеется. Я об этом думал. Для чего вы все это говорите? – нетерпеливо спросил Лев Давидович.

– Неверов исчез сразу, как только вы взяли Вострякова. А это значит, что его могли убрать люди, которые были в курсе происходившего.

– Естественно. Я как раз об этом и говорил.

– В таком случае вывод будет неприятным. Его могли сдать или подставить только люди из вашего окружения, – безжалостно произнес Дронго, – и вы должны это отчетливо себе представлять.

Наступило молчание. Деменштейн долго молчал. Затем снова поднял бутылку воды и, не доставая бокала, выпил прямо из бутылки.

– Я об этом тоже думал, – признался он, – боюсь, что вы правы. В таком случае ваша задача найти возможного предателя в моей службе безопасности.

– На вашем месте я бы не стал настолько сужать круг поисков, – возразил Дронго. – Кто знал обо всем, связанном с Неверовым?

– Хотите откровенно? Никто. Все знал только один человек, и он сидит рядом с вами. Я до конца никому и никогда не доверяю. Но в курсе моих дел с Неверовым были несколько человек.

– Можете их назвать?

– Конечно. Прежде всего Суровцев. Его заместитель – Ашот Погосов. Он интересный человек, врач-психиатр по образованию. Затем мой помощник – Валерий Арсаев. Он из Дагестана, юрист. Как видите, у меня полный интернационал и работает много кавказцев. Ну и, наконец, мой секретарь – Регина Ковтун. Она принимает почту и проверяет все письма. Хотя я не рассказывал ей никакие подробности, но она могла догадываться. Итого четыре человека. Я тоже об этом думал, но не так категорично, как вы.

– Ваша супруга знала о случившемся?

– Нет. Я вообще не имею привычки посвящать близких в дела своего бизнеса. Конечно, ничего не знала и, надеюсь, даже не догадывалась.

– А остальные сотрудники службы безопасности?

– Суровцев обычно не посвящает их в свои планы. Он ведь много лет работал в уголовном розыске и привык давать каждому оперативнику свою конкретную задачу. Обо всем мог знать только его заместитель Погосов. Больше никто. Хотя в нашей службе безопасности работают больше сорока сотрудников.

– Ваш водитель и личный телохранитель, которые сейчас сидят впереди, не могли ни о чем догадываться?

– Нет. У меня две пары подобных исполнителей. Два водителя и два личных телохранителя, которые меня повсюду сопровождают. Но при них я тоже не веду никаких служебных разговоров. Это мой принцип, если хотите.

Дронго молчал, размышляя над услышанным.

– Вы можете мне помочь? – нетерпеливо спросил Деменштейн. – Только ответ мне нужен немедленно. Да или нет. Если «да», то я готов выплатить вам аванс немедленно. Любую сумму, которую вы назовете. А если «нет», то мы высадим вас там, где захотите. С категорическим условием навсегда забыть о нашем разговоре.

Дронго по-прежнему молчал.

– Мне рекомендовали вас как лучшего в этой области, – продолжал Лев Давидович, – а значит, у нас есть шанс. Пусть даже небольшой, но шанс. И самое главное, чтобы вас не смущать. Половину гонорара я готов заплатить, даже если у вас ничего не выйдет. Это за ваше потерянное время.

– Очевидно, вам не все рассказали обо мне, – спокойно парировал Дронго. – Если я получаю гонорар, то лишь за выполненную работу. В случае неудачи вы оплачиваете мне только накладные расходы. И никаких гонораров. Иначе это было бы нечестно, я просто рискую своей репутацией.

– Вы согласны?

– Я пока размышляю. И чем больше думаю над вашим делом, тем более странным оно мне кажется. Почему Неверов молчал столько лет? Почему ни разу о себе не напомнил за последние годы? И почему решился именно сейчас?

– Не знаю. Если бы я знал ответы на эти вопросы, то, возможно, остальные отпали бы сами собой.

– Хорошо, – кивнул Дронго, – я попытаюсь найти следы Неверова или хотя бы понять, куда могли исчезнуть ваши документы. Но с этого момента мне нужна будет полная и абсолютная свобода действий...

– Безусловно.

– Помощь и сотрудничество вашей службы безопасности.

– Считайте, что они полностью подчиняются вам.

– И ваша откровенность. Мне понадобится ваше доверие, Лев Давидович. Вам придется изменить своим прежним принципам и довериться не очень знакомому человеку.

– Возможно, это будет полезный эксперимент, – усмехнулся Деменштейн.

– И, наконец, самое главное. В результате моих действий все может сложиться не так, как вы хотите. И не так, как хочу я. Вы готовы к тому, что решение будете принимать не вы? Подумайте, прежде чем ответить на последний вопрос.

– Я не совсем понимаю, о чем вы говорите?

– Предположим, что Неверов жив и здоров. Я нахожу Петра Алексеевича, договариваюсь с ним о документах. Вы платите ему деньги. Или отказываетесь платить. Но в этом случае я вам его не сдам. Это будет противоречить моим убеждениям и принципам.

– Тогда для чего мне такой сыщик? – разозлился Лев Давидович. – Мне легче нанять сто частных экспертов и заплатить каждому по десять тысяч долларов. Они перевернут всю Москву и найдут хотя бы следы Неверова, не выставляя мне никаких условий...

– Скажите водителю, чтобы остановил машину, – попросил Дронго, – нам дальше не по пути.

– Подождите, – махнул рукой Деменштейн. – Почему вы сразу обижаетесь? Мне не нравится последний пункт, и я честно вам об этом говорю.

– А я достаточно откровенно вам заявляю, что всю свою жизнь занимался тем, что искал преступников. Искал и находил людей, преступивших закон во имя закона и, если хотите, собственных моральных принципов. Которые не должны противоречить моей работе. Ни сегодня, ни в будущем. И если я ищу человека только для того, чтобы ваши головорезы его зарезали или мучили, то давайте расстанемся на этой стадии разговора.

– А если этот человек собирается передать документы в прокуратуру и посадить меня в тюрьму, то это нормально? Если он меня шантажирует и вымогает

деньги, это правильно? Если он готов ради наживы рискнуть своим добрым именем и разорить мою компанию, это с моральной точки зрения вас не коробит?

– Давайте договоримся так. Мы не будем больше говорить о морали. Если я соглашаюсь, то действую в соответствии со своими убеждениями, которые могут и наверняка расходятся с вашими. Вот и все принципы. Если согласны, будем продолжать разговор. Если нет, попросите водителя остановиться. И хотя мы отъехали достаточно далеко от центра, я полагаю, что сумею добраться до дома без вашей помощи.

– С вами трудно разговаривать, – желчно заметил Деменштейн, – вы ставите меня в нелегкое положение.

– Я всего лишь оговариваю рамки нашего возможного сотрудничества, – возразил Дронго, – и мне кажется, что ничего особенного я не требую.

– Это вам так кажется. Впрочем, это уже ненужный спор. Будем считать, что я согласился на все ваши условия. Что-нибудь еще?

– Нет. Но нам придется повторить нашу беседу. И вы подробно, не упуская никаких деталей, расскажете мне, как на вас вышли Неверов и Востряков, как они звонили, как присылали письма, где назначали встречи.

– Это как раз несложно. Значит, вы согласны?

– Определим нашу главную цель. Неверов?

– Нет. Он меня интересует меньше. Документы. Самая главная цель – это документы. Если вы сможете мне их вернуть, то все остальное меня просто не волнует.

– Документы, из которых следует, что вы совершили ряд антиобщественных деяний.

– Послушайте, вы не прокурор, а я не подсудимый. Вы частный эксперт, и я прошу вас найти эти документы. Вот и все. К чему лишние и явно ненужные уточнения? Я вам уже пояснял, что в девяностые годы нарушали законы все, кто

пытался воспользоваться ситуацией. Все, безо всякого исключения. Одни грубо, другие более ловко, но нарушали все.

- Ваш премьер считает, что можно было не нарушать.

- Наш премьер... - усмехнулся Деменштейн. - Действительно, «премьер в России больше, чем премьер». Знаете, что я вам скажу. Если опытный прокурор начнет проверку деятельности Санкт-Петербургской мэрии в период правления Собчака, царство ему небесное, то там найдут столько нарушений, что можно будет предъявить сколько угодно обвинений и нынешнему премьеру, и даже... вы меня поняли.

- Вы еще и циник, - заметил Дронго.

- Это уже форма защиты. Что мне еще остается делать? Нигде и никогда в мире самая большая и самая богатая страна не подвергалась такой безжалостной и разбойничьей приватизации. Об этом говорю вам я, человек, который неслыханно разбогател именно в этот период. Кто смог, тот сделал состояние. Кто не смог... на каждого удачливого приходился десяток неудачников. Они в основном лежат на кладбищах. Почти никто не выжил. Бизнес был не просто жестокий, он был абсолютно криминальный и варварский. Если хотите, даже бандитский. За каждым крупным капиталом стояли свои банды, свои правоохранительные органы, свои чиновники, своя пресса, свои журналисты. Иначе было просто невозможно.

- Знаете, о чем я сейчас вспомнил? Один ваш коллега-миллиардер сказал, что всякий, кто не смог заработать в тот период миллиард, пусть идет в ж... - так изящно выразился. - А другой ваш коллега-миллиардер, человек гораздо более учтивый и воспитанный, сказал, что бог покровительствует богатым и знает, кому давать деньги, а кому нет. Вам не кажется, что сейчас вы немного уподобляетесь этим двоим?

- Нет, не кажется. Я нигде больше не повторю подобных слов. И если даже вы скажете, что я их говорил, то откажусь от них. Но здесь, в салоне своего автомобиля, один на один, я вам могу сказать. Мы все брали то, что лежало у нас под ногами. Все одинаково толкались, хватали, давили, бросали, брали. У нас примерно одинаковые судьбы и одинаковые биографии. Я знаю, что говорю. А если так, то никто из других лиц, попавших в первую сотню, не имеет права мне

ничего говорить и тем более предъявлять мне какие-то претензии. Мы все одинаковые.

– Возможно, вы правы, – впервые согласился Дронго, – и если избавить Россию от первой тысячи лиц из списков «Форбса», то вполне вероятно, что в ней стало бы легче жить.

– А в других республиках все было иначе? – огрызнулся Лев Давидович. – В таком случае покажите мне богатых людей, которые сделали себе капиталы в белых перчатках. Мы еще пытались что-то придумать, забирая себе неработающие комбинаты. А наши миллионеры из южных республик? Они ведь делали капиталы, сидя в чиновничьих креслах и просто обирая свои народы. После девяносто первого везде картина была одинаковая. Где-то сохранилась сильная власть, и там разбогатели приближенные чиновники, где-то создалась видимость демократии, и там разбогатели более удачливые и ловкие дельцы. Такие, как я. По-моему, эти словесные баталии пора заканчивать. Давайте переходить к нашему конкретному делу.

– Давайте, – согласился Дронго, – итак, как они впервые на вас вышли?

– Позвонили ко мне в приемную. Там у меня сидят два секретаря. Регина и Замира. Регина считается, как бы поточнее сказать, главным секретарем...

– Личные вопросы можно задавать или на них есть табу?

– Хотите узнать, сплю ли я с ней? – сразу понял Деменштейн. – Да. И делаю это принципиально. Я считаю, что не могу полностью доверять женщине, если не знаю ее достаточно близко.

– Надеюсь, к мужчинам это не относится? И вы не станете требовать такой же близости от меня.

– Смешно, – хмыкнул Лев Давидович, – не волнуйтесь, вам ничего не грозит. Я убежденный гетеросексуал.

– У нее есть муж или друг?

– Вам не кажется, что это достаточно примитивный способ расследования? Простите меня, если я лезу не в свое дело. Но неужели вы думаете, что я сто раз не проверил все подходы, пока не обратился к вам?

– Убежден, что проверили. И тем не менее будьте любезны ответить на мой вопрос.

– У нее есть друг, с которым она встречается, – сдержанно ответил Деменштейн, – ей двадцать восемь, ему тридцать четыре. Он программист, работает на англичан. Говорят, что очень перспективный. Получает достаточно высокую зарплату. Несмотря на кризис, его не только не сократили, но и повысили в должности.

– Убедительно. Значит, первой на звонки отвечала Регина?

– Отвечает всегда Замира. Регина считается моим личным помощником. Но когда звонят и говорят, что беспокоят по личным вопросам, трубку берет Регина. Так было и в тот раз. Она взяла трубку и услышала предложение Вострякова о нашей встрече. Он сказал, что по личному вопросу. Не стал уточнять, по какому. Она ему в свою очередь пояснила, что у меня нет времени встречаться по личным вопросам. Иначе должен буду с утра до вечера заниматься проблемами своих сотрудников, которых у меня больше восьми тысяч человек.

– Сколько из них вы планируете сократить во время кризиса? – неожиданно спросил Дронго.

Деменштейн удивленно взглянул на собеседника.

– Вы начинаете меня озадачивать, – признался он. – Разве это имеет какое-нибудь отношение к нашей проблеме?

– Мы же сразу договорились, что я веду расследование так, как считаю нужным.

– Да, действительно. Согласно нашим планам, будут уволены около двух с половиной тысяч человек.

– Две с половиной тысячи семей, – сделал вывод Дронго, – такое количество недоброжелателей вы получите в ближайшие дни. Солидно.

– Я уверен, что никто из...

– Не нужно. Выводы я буду делать сам. Он снова перезвонил?

– Да. Сразу после первого письма. Регина мне об этом доложила. Я решил не придавать значения этим звонкам и письмам. В первом были только обозначены угрозы. Ничего конкретного. Все знают, что именно я стою во главе компании и, естественно, что был владельцем двух комбинатов, о которых говорилось в письме.

– Письмо сохранили?

– Нет. Уничтожил. Все три. Понимаю, что поспешил. Но у меня есть свои принципы. Зачем хранить письма, которые меня компрометируют, даже в самых надежных местах? В любом тайнике их можно найти. Самое надежное – это их уничтожить. Что я и сделал.

– Давайте дальше. Они прислали второе и третье письмо. Правильно?

– Верно. И тогда я понял, что имею дело не просто с шантажистами. После первого письма я еще на что-то надеялся. После второго сразу подключил нашу службу безопасности. Но все подробности не стал сообщать даже им. Письма читали только Регина и я. Остальным я пересказывал их содержимое.

– Что было дальше?

– Когда Востряков позвонил снова, мы уже были готовы и перехватили его телефонный звонок. На встречу он приехал один, пытался глупо маскироваться, надев парик и усы. Потом пытался так же глупо уйти от наших сотрудников, выскакивая из вагонов метро перед их закрытием. Как сказал Суровцев, это старый, бездарный трюк. Когда следит один человек, то иногда подобные затеи срабатывают. Когда следят пятеро или шестеро, это бесполезно. Они делятся, и половина все равно остается на перроне, ожидая, когда поезд тронется. В общем, они его довольно быстро вычислили, а потом вышли и на Неверова. Я

сразу подумал, что такие материалы могут быть только у опытного профессионала. Либо у следователя, либо у прокурора, что, в общем, одно и то же. Когда мне рассказали о Неверове, я был доволен. Теперь я точно знал, кто именно пытался меня шантажировать.

- Почему сразу не захватили самого Неверова?

- Пытались вычислить, где документы. Хотя вы, наверно, правы. Нужно было сразу взять Неверова и заставить его говорить. Суровцев уверял меня, что при существующей фармакологии можно заставить любого человека дать показания.

- Почему тогда Востряков попал в больницу?

- Они ему просто не поверили. Он бормотал, что ничего не знает, а они не поверили... Иногда встречаются люди, которым удается проявить чудовищную силу воли и пытаться противостоять этим лекарствам. Один на тысячу. Но так бывает редко.

Дронго усмехнулся. Он знал об этой особенности. Попадают люди с невероятной силой воли. Но есть и другие, на которых эти препараты действуют несколько иначе. Одним из таких «других» был и сам Дронго. Любой обезболивающий препарат действовал на него крайне неэффективно. Даже при работе обычного стоматолога требовались две или три ампулы обезболивающего. Врачей приводила в недоумение подобная невосприимчивость. Самое показательное, что такими же были его отец и дед. Нужно было вколоть лошадиную дозу снотворного, чтобы кто-то из них заснул, или сделать несколько уколов инъекции, чтобы не чувствовалось боли.

- И вы провели обыски? - уточнил Дронго.

- Да. Проверили все вокруг. Показывали фальшивые ордера на обыск и проверяли все квартиры и дачу. Ничего не нашли, хотя потрошили очень тщательно. самого Неверова мы тоже не нашли. На следующий день позвонил Востряков и сказал, что цена выросла вдвое. Вот тут мы все и разозлились. Решено было брать обоих. Первым взяли Вострякова, когда он приехал за деньгами. Но Неверова нигде не нашли. Ждали телефонного звонка, но оба телефона Неверова были отключены. Кажется, я об этом вам уже говорил. Потом

несколько дней пытались добиться от Вострякова правды, но так ничего и не узнали. Отвезли его в больницу в тяжелом состоянии. Он лежал там недели три или четыре. Я все оплатил, посылал ему фрукты, шоколад, заботился о его матери. Выдал ему пятьдесят тысяч на дальнейшее лечение...

- А лечение потребуется? - спросил Дронго.

- Да, - резко ответил Лев Давидович, - только не говорите, что мы поступили с ним жестоко. Он сам решил ввязаться в эти игры. Конечно, Суровцев и Погосов перебрали с этим лекарством. Не скрою, в том числе и по моему личному указанию. Теперь у него несколько заторможенная речь. Страдает головными болями, галлюцинациями, депрессией. Но зато живой и здоровый. И еще имеет пятьдесят тысяч долларов.

- Вы бы согласились пойти на такой эксперимент за пятьдесят тысяч?

- Я никого в жизни не шантажировал, - прошипел Деменштейн, - и пусть бога благодарит, что я человек достаточно разумный. Иначе его труп никогда бы не нашли.

- Хорошее слово «разумный». Мне оно в данном случае нравится.

- Ну вот видите, как чудно. Значит, мы можем договариваться.

- Суровцев с Погосовым возглавляют вашу службу безопасности. Понятно, что это их люди проверяли квартиры, дачу и захватывали Вострякова. А какое отношение имеет к этим событиям ваш помощник Валерий Арсаев?

- Он тоже был в курсе всех событий. Валера юрист по профессии и работает у меня уже восемь лет. Очень толковый специалист. Он как раз и наводил справки о Неверове среди его коллег. Кстати, они характеризовали Петра Алексеевича как человека исключительно трудолюбивого, умного, напористого и компетентного. Но самое примечательное, что ни один не сказал слово «порядочный». Вот как бывает в жизни.

- Если бы он был порядочным человеком, вы бы сейчас сидели вместе с Ходорковским где-нибудь в Сибири, - заметил Дронго.

– Да, правильно. Но если бы против меня возбудили уголовное дело, я бы знал, как себя вести. Там правила игры понятны. Нужно договариваться с высшими чиновниками. Сдаешь все, что они хотят взять, выполняешь полностью их условия, переводишь акции на тех людей, которых тебе укажут. И живешь спокойно. Дело закрывают, ты можешь оставаться на свободе. Любое уголовное дело против такого человека, как я, обязательно сразу перерастает в политический процесс, который должен быть невыгоден ни государству, ни мне самому. По большому счету, судебное дело против Ходорковского было невыгодно обеим сторонам. Государству и ему самому. Ему несколько раз давали возможность все бросить и уехать. Но там принцип пошел на принцип. Он решил идти до конца, а государство предпочло показать свой характер...

– Насколько я слышал, там шла речь о конкретных высших чиновниках.

– Я тоже об этом слышал. Разумеется, никому не нравится, когда в стране возникает новый центр власти. Говорили, что это была и личная обида. Не знаю. Возможно, и так. Но я бы не стал подобным узником. Я человек понимающий, лучше отдать половину, чем потерять все.

– Ваши деловые принципы мне понятны. Значит, вы считаете, что, кроме вас, только эти четверо могли быть в курсе происходивших событий?

– Да, только они. Я много об этом думал. Но только они четверо. Мне нужен человек, который сумеет проверить их надежность и убедить меня, что Неверов исчез без их помощи. Ну а если вы найдете документы, то мне больше ничего и не нужно. Хотя в качестве премиального бонуса все-таки хотелось бы знать, кто именно меня сдал.

– А кого вы подозреваете?

– Никого. Если бы подозревал, то давно бы уволил. Я бы не стал ждать, пока меня сдадут во второй раз. Но у меня нет даже намека на подозрение. Меньше других я знаю Погосова, лучше всех, конечно, Регину. Она несколько раз ездила со мной в зарубежные поездки.

– Ясно. Тогда начнем прямо с нее. Мне понадобится ваше участие. Чтобы вы предупредили всех четверых о моем участии в этом деле. Мне нужны их толковые и откровенные ответы.

– Само собой. Вот моя визитная карточка. На ней от руки написан и мой прямой телефон, – он протянул визитку.

– Мне нужны номера телефонов всех упомянутых вами лиц.

– Хорошо. – Деменштейн достал ручку и быстро написал на визитке еще три номера: Суровцева, Погосова и Арсаева. Четвертый номер, личного телефона Регины, он не стал писать.

– Если вам нужна будет Регина, вы всегда можете позвонить мне по прямому или в приемную. Она всегда на месте или рядом со мной, – пояснил Лев Давидович.

– Тогда решено, – кивнул Дронго, забирая визитную карточку. – Остановите машину прямо здесь. И сразу уезжайте.

– Почему здесь? Мы можем довезти вас до нужного места, – предложил Деменштейн.

– Ах, Лев Давидович, я ведь не даю советов, как управлять вашими металлургическими компаниями. Теперь представьте себе, что Неверов исчез в результате «третьего варианта». И сейчас за нашей кавалькадой следят, тем более это сделать нетрудно: ваши машины сразу привлекают внимание...

– В следующий раз приеду на «Запорожце», если найду, – обиделся Деменштейн.

– Не нужно таких крайностей. Но если за нами следят и увидят, как вы подвозите меня к дому, то сразу поймут, что мы договорились. Это будет сигнал, который может помешать мне работать. А если увидят, как я сейчас выхожу из вашего автомобиля, то это тоже будет сигнал о моем нежелании на вас работать. Если я отказываюсь, то машина останавливается и я выхожу прямо здесь. Так могли подумать вы, так наверняка решат и те, кто может за нами следить.

– Согласен, – улыбнулся Деменштейн, – мне нравится логика ваших рассуждений, господин эксперт. Кажется, я не ошибся, что решил довериться именно вам.

– Не будьте столь самоуверенны, – сказал на прощание Дронго.

– Подождите, мы еще не обговорили сумму аванса, – дотронулся до его руки Лев Давидович, передав водителю, чтобы остановил автомобиль.

– Я буду информировать вас о своих платежах в рамках этого дела, – сообщил Дронго, – аванс получают при обычной сделке купли-продажи, а я выполняю свою работу, за которую получаю гонорар. До свидания.

Он вышел из машины. Деменштейн остался один. Он посмотрел вслед ушедшему и еще раз улыбнулся. Может, у него действительно появился шанс узнать, куда пропали эти проклятые документы. И куда исчез сам Неверов.

Глава 4

Любое дело нужно начинать с осмысления точной цели и задач, ведущих к достижению ее. Понимая, насколько сложна будет проверка всех интересующих его данных спустя полтора месяца после внезапного исчезновения Неверова, Дронго решил начать с самого исчезнувшего. Нужно прежде всего постараться восстановить его психотип, понять, как бы действовал этот человек в той или иной ситуации. Для профессионала, проработавшего больше тридцати лет в прокуратуре, он действовал не очень продуманно, подставив своего двоюродного племянника и понимая, что рано или поздно могут выйти на него. Но даже после того, как провели обыски в квартирах и на даче, он не уgomонился, а, наоборот, словно решив подразнить своего оппонента, объявил об увеличении цены в два раза. Профессионалы не ведут себя подобным образом. Он должен был понимать, что таким предложением окончательно разозлит Деменштейна и фактически подставит своего племянника. Тогда почему он так нелогично и непоследовательно себя вел? Самое поразительное, что Неверов исчез не до последнего свидания, а сразу после обысков. Значит, понял, что играет с огнем. Но тогда почему не отменил встречу своего племянника, фактически посылая его на верную гибель?

Сказав Льву Давидовичу, что начнет проверку с Регины, Дронго не соврал. Но прежде, чем встретиться с ней, он хотел узнать гораздо больше о самом Неверове. Поэтому решил обратиться за помощью к своему пожилому приятелю.

Он позвонил Владимиру Владимировичу, с которым был знаком уже много лет. Старик всегда радовался его звонкам. Давно вышедший на пенсию, бывший сотрудник разведки, он хорошо знал возможности своего молодого друга, который в девяностых провел столько почти невероятных расследований.

– Что тебе нужно от старика? – ворчливо спросил Владимир Владимирович. Ему было уже за семьдесят, но он выглядел гораздо моложе своих лет, хотя и ходил, опираясь на палку.

– Мне нужны данные на одного моего знакомого, – признался Дронго, – и я хотел бы попросить у вас помощи.

– Вот так всегда. Вспоминаешь обо мне только тогда, когда у тебя есть какая-то просьба, – радостно заметил Владимир Владимирович. Ему было приятно, что он может чем-то помочь своему более молодому другу. – Кто это такой?

– Бывший следователь по особо важным делам Петр Алексеевич Неверов. Работал в Брянской области до того, как был переведен в Москву. Здесь получил звание государственного советника третьего класса и вышел на пенсию несколько лет назад. Полтора месяца назад неожиданно исчез. Никто не может его найти – ни дочь, ни родные, ни близкие. Я хотел бы навести о нем справки.

– Если он занимал такую ответственную должность и был генералом, то его должны помнить, – убежденно произнес Владимир Владимирович, – в этом не может быть никаких сомнений. Одно дело – искать неизвестного молодого человека, примет которого ты даже не знаешь, и совсем другое – навести справки про генерала, который работал на таком посту. Ладно, давай сделаем так. Увидимся завтра вечером, и я постараюсь тебе что-нибудь рассказать о Неверове. Договорились?

– Спасибо. Вы меня всегда выручали. Можно еще одну просьбу?

– Давай.

– Мне нужны даже не его биографические данные, а воспоминания о нем его близких друзей. Идеальный случай, если бы мы смогли найти кого-то из тех, с кем он работал.

– Это я понимаю.

– Может, кого-то из оставшихся друзей, – продолжил Дронго, – мне важно узнать, каким человеком в жизни он был. Не следователем, а именно человеком.

– Понятно. Тебе нужна информация из первых рук. Хочешь «засветить» старика. Ладно, что поделаешь. Буду искать тебе кого-нибудь из прокуратуры, там у меня раньше было полно знакомых. В общем, до завтра. Я тебя жду ближе к семи часам вечера.

– Еще одна просьба, – быстро сказал Дронго, – будьте осторожнее.

– В каком смысле?

– За исчезновением Неверова могут стоять определенные люди, которым вдруг да не понравится ваше любопытство.

– Хорошо, что предупредил. Учту. До свидания.

Дронго отключил телефон. Это был аппарат, взятый Эдгаром на чужое имя в Новгороде. Таких телефонов было несколько, и пользовались ими по мере необходимости, чтобы не дать возможности кому бы то ни было прослушать их разговор и выйти на собеседника.

На следующее утро Дронго позвонил в приемную Деменштейна. Ему сразу ответил приятный женский голос. Очевидно, это была Замира.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Дронго, – извините, что я вас беспокою. Можно Регину к телефону?

– Конечно, – удивилась молодая женщина. В их офисе не было принято звонить по личным делам, тем более по городскому телефону. У Регины был свой мобильный. Но она переключила телефон на старшую.

– Я вас слушаю, – сказала Регина. У нее был низкий, прокуренный голос.

- Добрый день, - еще раз произнес Дронго, - вас должны были предупредить. Меня обычно называют Дронго.

- Да, я знаю, - несколько растерялась Регина.

- Я хотел бы с вами встретиться. Но не на службе. Где мы можем увидеться?

- До семи часов вечера я на работе.

- А в обеденный перерыв?

- У нас нет обеденных перерывов, - усмехнулась Регина, - в нашем офисе хорошая кухня. Мы все здесь питаемся.

- В таком случае я вынужден буду прийти к вам, - решил Дронго, - хотя мне этого пока очень не хочется. Может, вы сумеете убедить Льва Давидовича отпустить вас на один час. Скажем, с двух до трех.

- Конечно. Если это вам нужно.

- Попросите у него разрешения. И встретимся в кафе, через улицу. Идете до конца квартала и сворачиваете сразу направо. Потом еще раз направо. Там будет кафе, где я вас буду ждать.

- Знаю, - ответила Регина, - я здесь недалеко живу. Значит, до встречи. В два часа я постараюсь успеть.

Он посмотрел на часы. Затем позвонил по прямому телефону Суровцеву:

- Добрый день, Матвей Константинович.

- Здравствуйте, кто говорит?

- Меня обычно называют Дронго.

– Я слышал, – спокойно подтвердил Суровцев, – говорят, что вы лучший эксперт по проблемам преступности.

– Это только слухи. Мы можем увидеться?

– Конечно. Только не в нашем офисе. Я не хочу, чтобы о вас знали мои сотрудники. Вы меня понимаете?

– Где и когда?

– Назовите любое место.

– В таком случае сделаем так. У вас под офисом находится гараж вашей компании. Я буду ждать вас там на выходе из гаража. Как только выезжаете, сразу резко сверните налево в переулок. Там я сяду в вашу машину. Договорились?

– Вы знаете, какая у меня машина? – удивился Суровцев.

– Это нетрудно узнать, но будет лучше, если вы мне сами скажете.

– «Мерседес» «триста двадцатый». Стального цвета. Запишите номер...

– Я его лучше запомню, – усмехнулся Дронго, – значит, ровно в одиннадцать. До свидания.

Он снова отключил свой телефон. Это был уже другой номер. Его брали в Ростове. Таким образом, невозможно было вычислить, кто и когда звонил сотрудникам компании.

В половине одиннадцатого он был уже на нужном месте. Сначала прошел переулок из конца в конец, осматриваясь. Затем шагнул в один из подъездов, выбирая наиболее удобное место. Наконец вышел и снова продефилировал через весь переулок, проверяя, нет ли за ними наблюдения. Посторонних он не почувствовал. В его статусе и при его опыте не обязательно было увидеть наблюдателей, чтобы понять, ведется за ним наблюдение или нет.

В пять минут двенадцатого автомобиль Суровцева выехал из гаража и сразу свернул в переулок. Через минуту он был уже на месте. Дронго уселся в салон, на переднее сиденье, рядом с водителем. Суровцев был грузным, кряжистым, широкоплечим мужчиной лет пятидесяти. У него были перебитые уши борца и крупные руки. Выделялся мясистый нос, кустистые брови, тяжелый подбородок. Волосы у него пока не начали седеть и были темно-коричневого цвета.

– Вот вы какой, – сказал он, осматривая Дронго, – я думал, что вы немного другой.

– В каком смысле? – усмехнулся Дронго. – Более красивый или более молодой?

– Я не об этом. Люди вашей профессии такие хлипкие интеллектуалы, размышляющие и придумывающие. Как писатели или программисты. А у вас фигура и внешность человека из охраны Президента. С таким ростом и плечами люди обычно работают в охране. А среди интеллектуалов выделяются узкоплечие очкарики. Я думал, что вы такой.

– Вы тоже явно не подходите под трафарет, – заметил Дронго. – Судя по ушам, в молодости вы занимались борьбой...

– Вольной, – кивнул Суровцев, улыбаясь, – и даже был чемпионом Воронежской области.

– Ну, вот видите. Внешность бывает обманчивой. Хотя вам, наверно, ваше спортивное прошлое помогало в уголовном розыске.

– Всегда, – ответил Матвей Константинович, – и от своих ребят я тоже требовал, чтобы были на уровне.

– Значит, мы удовлетворили любопытство друг друга. А теперь давайте начнем наш разговор. Вы знаете, почему я захотел с вами встретиться? Судя по тому, что вы не задали мне ни одного вопроса, вы уже в курсе.

– Да, – ответил Суровцев, – это мой заместитель подсказал нам найти вас и попросить о помощи. Поэтому я не удивился. Лев Давидович рассказал мне вчера вечером, что уже виделся с вами и обо всем договорился.

– Вы с самого начала были в курсе всех этих событий?

– Я не читал писем, Лев Давидович мне их не давал. Но я знал, что его пытаются шантажировать. И мы сразу начали поиски этого типа. Востряков оказался таким шустрым дилетантом. Ничего не знает до конца, ничего не понимает, ничего не умеет. Мы его быстро взяли в оборот. Через него вышли на его двоюродного дядю. Такой мерзавец оказался, а ведь еще генерала успел получить. Но когда мы провели обыски, он сразу исчез. Я даже думал, что Востряков не приедет. Но он оказался смелым дураком. Ради первого миллиона поехал на встречу, не получив подтверждения от своего родственника. И сразу попал к нам. Это мы уже потом узнали от него.

– Что вы ему кололи?

– Лев Давидович рассказал, – понял Суровцев. – Ничего особенного. Вы же знаете, как это бывает. Сначала небольшую дозу «сыворотки правды». Но он молчал, испугавшись последствий. Потом мы вкатили ему по полной. Тут он сразу заговорил. Гораздо больше, чем нужно. Даже рассказал о своей соседке, в которую был влюблен с семи лет и с которой тайно встретился в четырнадцать. Хотя нас это совсем не волновало. Про Неверова он упрямо твердил, что ничего не знает и пришел на встречу самостоятельно. Тут, признаюсь, мы немного перегнули палку. Сначала всыпали ему, а потом вкололи еще две ампулы. Мы не могли поверить, что он такой идиот. Нам нужно было найти его дядю. Но он говорил правду. Более того, вколотые ампулы на него плохо подействовали. Мы его едва откачали. Оказывается, у него были проблемы с кровеносной системой. Откуда мы знали... Успели отвезти в больницу, там его откачали. Очухался в реанимации. Теперь говорит, немного заикаясь. Но в общем ничего, ему еще повезло, что успели в больницу. Еще бы немного, и всё... не успели бы его спасти.

– Он не сказал, где может находиться его дядя?

– Конечно, не сказал. Они договаривались о встрече сразу перед началом обысков. Как только наши команды одновременно выехали туда и перерыли все квартиры, Неверов исчез. Словно его никогда и не было. Я думаю, что он просто испугался. Понял, что пережал со своим шантажом и ничего не получит. Сбежал в какую-нибудь соседнюю страну, куда не нужна виза. В Баку или в Ташкент, куда угодно. И сейчас сидит там, выжидая момента, когда сможет вернуться.

- У вас есть основания для подобного утверждения?

- Нет. Никаких фактов нет. Но он исчез, а люди просто так не испаряются. Тем более генералы прокуратуры. Если бы он был наивный мальчик, я бы еще мог поверить, что он кому-то проговорился и другой дядя, более жестокий и жадный, решил устранить Неверова, чтобы завладеть его документами. Но Неверов был «важняк», следовательно по особо важным. А это народ подготовленный.

- Поэтому вы считаете, что он сбежал?

- Уверен. Никаких других вариантов нет. Никого чужого он бы не стал посвящать в эту историю, просто невыгодно, пришлось бы делить миллионы. Даже связным он послал своего родственника, значит, никому не доверял. И никто чужой об этом знать не мог.

- Тогда куда он исчез?

- Черт его знает, - честно признался Суровцев, - мы пока ничего не можем найти. Думали, что он дочери и внукам хотя бы позвонит. Прослушиваем их телефоны и квартиру, даже к номерам ребят подключились, но пока ничего. Не звонит и не пытается с ними связаться. Стальной мужик, я бы не выдержал, хотя бы дочери позвонил, чтобы ее успокоить. Она ведь уже и в милицию заявление написала, и все морги обзвонила, все больницы. Самое смешное, что он исчез, а его машина осталась в гараже. Мы проверяли, «Волгу» никто не трогал.

- А если его убили?

- Кто и зачем? Чтобы завладеть его документами? Тогда почему этот неизвестный убийца никак о себе не заявляет? Я человек практичный, господин Дронго, и всю жизнь имел дело с бандитами, подонками и разного рода жульем. И точно знаю, что если убивают такого человека, как генерал Неверов, то должна быть определенная цель. А цель - получить документы и шантажировать Льва Давидовича, чтобы в конечном итоге выманить деньги. И ради этого убийца будет способен на все. Он прилетит, прибежит, приползет, но только не останется с документами. Зачем ему эти бесполезные бумажки, если Деменштейн готов заплатить за них миллионы? Всем остальным они просто не нужны. Ими можно утираться. Если не считать личных врагов Льва Давидовича.

Но тогда мы бы сразу узнали о всплывших документах. Поэтому я точно верю, что Неверов жив и просто выжидает. Испугался, чудака, и ждет, пока пройдет немного времени, чтобы гарантированно выйти на нас и получить свои деньги.

– С вашими доводами трудно спорить, – сказал Дронго, – но прошло уже полтора месяца. Срок более чем достаточный, чтобы наконец предъявить эти документы.

– Здесь какая-то неувязка, – согласился Суровцев, – может, он от страха заболел. Или ногу сломал, когда убегал. И сейчас где-нибудь лежит, лечится. Все что угодно может быть. Я считал, что нужно подождать. Но Лев Давидович торопится. И я его понимаю. Лучше найти Неверова и документы до того, как они снова дадут о себе знать. Вот поэтому он и вышел на вас.

– Вы были у него на даче и в квартире. Там не оказалось других документов или каких-либо бумаг?

– Нет. Я об этом тоже подумал. Там были рисунки его внуков, письма дочери. Ничего особенного. Никаких служебных документов дома он не хранил, может, за исключением своих бывших удостоверений и наградных книжек. Ничего мы не нашли.

– Может, на даче он умудрился устроить тайник? – предположил Дронго.

– Мы отправили туда специальную аппаратуру. Проверяли не только на наличие металла, но и на предмет возможных пустот. Поливали всю землю вокруг. Вы знаете, это старый милицейский метод. Там, где вода всасывается быстрее, недавно копали. Но ничего не нашли, кроме трупа дохлой кошки и закопанной бутылки с посланием его внуков.

– У него большая квартира?

– Раньше была большая. Четырехкомнатная, в центре на Остоженке. Но потом он ее продал, чтобы помочь дочери. Она как раз разводилась, и муж оставлял ее в двух комнатах с обоими мальчиками. Неверов продал свою квартиру какому-то приезжему казаху. Купил ей трехкомнатную в новом доме, рядом со школой детей, а себе двухкомнатную на Хорошевском шоссе. И еще деньги остались, чтобы дочери внедорожник купить. Квартиры на Остоженке до кризиса стоили бешеные суммы. А квартиру дочери, которая ей осталась после развода, они

сдавали и на эти средства тоже жили. В общем, он умел неплохо устраиваться. Практичный был человек, хозяйственный. И дача у него хорошая. Яблони ухоженные, крыжовник. Все как у людей.

– Он сам ухаживал за своим участком?

– Соседи говорили, что да. Мы ведь там под видом сотрудников милиции появлялись. Потом, когда настоящий участковый пришел, нам несколько дней понадобилось, чтобы все эти вопросы с его руководством утрясти. Они не понимали, почему мы искали Неверова до того, как дочь подала официальное заявление. Пришлось объяснять, что бывший генерал работал нашим внештатным консультантом. Валера нам очень помог, подсказал, как действовать. Это помощник Льва Давидовича, он тоже юрист по образованию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/abdullaev_chingiz/sreda-obitaniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)